

Тургенев Иван Сергеевич

Малиновая вода: Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Малиновая вода: Рассказ / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77974-6

ISBN 978-5-519-77974-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

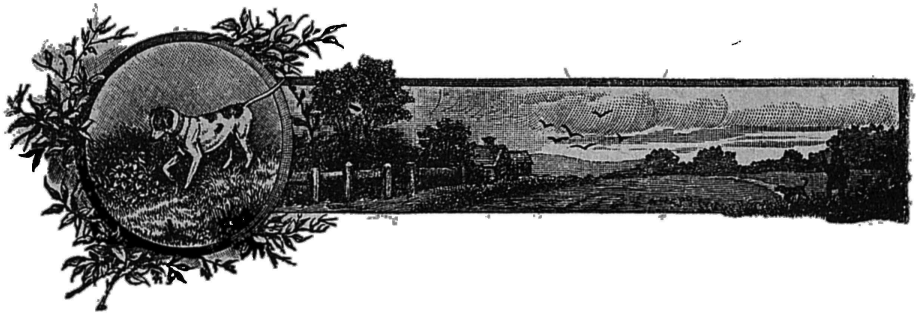
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МАЛИНОВАЯ ВОДА.

Въ началѣ августа жары часто стоятъ нестерпимые. Въ это время, отъ двѣнадцати до трехъ часовъ, самый рѣшительный и сосредоточенный человѣкъ не въ состояніи охотиться, и самая преданная собака начинаетъ „чистить охотнику шпоры“, т.-е. идетъ за нимъ шагомъ, болѣзненно прищуривъ глаза и преувеличенно высунавъ языкъ; а въ отвѣтъ на укоризны своего господина униженно виляетъ хвостомъ и выражаетъ смущеніе на лицѣ, но впередъ не подвигается. Именно въ такой день случилось мнѣ быть на охотѣ. Долго противился я искушенію прилечь гдѣ-нибудь въ тѣни, хоть на мгновеніе; долго моя неутомимая собака продолжала рыскать по кустамъ, хотя сама видимо ничего не ожидала путнаго отъ своей лихорадочной дѣятельности. Удушливый зной принудилъ меня, наконецъ, подумать о сбереженіи

постѣднихъ нашихъ силъ и способностей. Кое-какъ дотащился я до рѣчки Исты, уже знакомой моимъ снисходительнымъ читателямъ, спустился съ кручи и пошелъ по желтому и сырому песку въ направленіи ключа, извѣстнаго во всемъ околоткѣ подъ названіемъ „Малиновой воды“. Ключъ этотъ бьетъ изъ расщелины берега, превратившейся мало-по-малу въ небольшой, но глубокій оврагъ и въ двадцати шагахъ оттуда съ веселымъ и болтливымъ шумомъ впадаетъ въ рѣку. Дубовые кусты разрослись по скатамъ оврага; около родника зеленѣетъ короткая бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги. Я добрался до ключа, на травѣ лежала черпалка изъ бересты, оставленная прохожимъ мужикомъ на пользу общую. Я напился, прилегъ въ тѣнь и взглянулъ кругомъ. У залива, образованнаго впаденіемъ источника въ рѣку, и оттого вѣчно покрытаго мелкою рябью, сидѣли ко мнѣ спиной два старика. Одинъ, довольно плотный и высокаго роста, въ темнозеленомъ опрятномъ кафтанѣ и пуховомъ картузѣ, удиль рыбу; другой — худенькій и маленький, въ мухояровомъ заплатанномъ сюртучкѣ и безъ шапки держалъ на колѣняхъ горшокъ съ червями и изрѣдка проводилъ рукой по сѣдой своей головкѣ, какъ бы желая предохранить ее отъ солнца. Я вглядѣлся въ него по-пристальнѣе и узналъ въ немъ Шумихинскаго Степушку. Прошу позволенія читателя представить ему этого человѣка.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моей деревни находится большое село Шумихино, съ каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобныхъ Козьмы и Даміана. Напротивъ этой церкви нѣкогда красовались обширныя господскія хоромы, окруженныя разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями, банями и временными кухнями, флигелями для гостей и для управляющихъ, цвѣточными оранжереями, качелями для народа, и другими, болѣе или менѣе полезными зданіями. Въ этихъ хоромахъ жили богатые помѣщики, и все у нихъ шло своимъ порядкомъ, — какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорѣла до-тла. Господа перебрались въ другое гнѣздо; усадьба запустѣла. Обширное пепелище превратилось въ огородъ, кое-гдѣ загроможденный горами кирпичей, остатками прежнихъ фундаментовъ. Изъ уцѣлѣвшихъ бревенъ на скорую руку сколотили избенку, покрыли ее барочнымъ тесомъ, купленнымъ лѣтъ за десять для построенія павильона на готическій манеръ, и поселили въ ней садовника Митрофана съ женой Аксиньей и семьей дѣтьми. Митрофану приказали постав-
лять на господскій столъ, за полтора-ста верстъ, зелень и овощи; Аксиньѣ поручили надзоръ за тирольской коровой, купленной въ Москвѣ за большія деньги, но, къ сожалѣнію, лишенной всякой способности воспроизведе-
нія, и потому со времени приобрѣтенія не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатого дымчатого селезня, единственную „господскую“ птицу; дѣтямъ, по-

причинѣ малолѣтства, не опредѣлили никакихъ должностей, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало имъ совершенно облѣниться. У этого садовника мнѣ случилось раза два переночевать; мимоходомъ забиралъ я у него огурцы, которые, Богъ вѣдаетъ почему, даже лѣтомъ отличались величиной, дряннымъ водянистымъ вкусомъ и толстой желтой кожей. У него-то увидалъ я впервые Степушку. Кромѣ Митрофана съ его семьей да стараго глухого ктитора Герасима, проживавшаго Христа-ради въ коморочкѣ у кривой солдатки, ни одного двороваго человѣка не осталось въ Шумихинѣ, потому что Степушку, съ которымъ я намѣренъ познакомить читателя, нельзя было считать ни за человѣка вообще, ни за двороваго въ особенности.

Всякій человѣкъ имѣетъ хоть какое-бы то ни было положеніе въ обществѣ, хоть какія-нибудь да связи; всякому дворовому выдается если не жалованье, то, по крайней мѣрѣ, такъ-называемое „отвѣсное“: Степушка не получалъ рѣшительно никакихъ пособій, не состоялъ въ родствѣ ни съ кѣмъ, никто не зналъ о его существованіи. У этого человѣка даже прошедшаго не было; о немъ не говорили; онъ и по ревизіи едва-ли числился. Ходили темные слухи, что состоялъ онъ когда-то у кого-то въ камердинерахъ; но кто онъ, откуда онъ, чей сынъ, какъ попалъ въ число Шумихинскихъ подданныхъ, какимъ образомъ добылъ мухояровый, съ незапамятныхъ временъ носимый имъ кафтанъ, гдѣ живетъ, чѣмъ живетъ,—объ этомъ рѣшительно никто не имѣлъ ни малѣй-

шаго понятія, да и, правду сказать, никого не занимали эти вопросы. Дѣдушка Трофимычъ, который зналъ родословную всѣхъ дворовыхъ въ восходящей линіи до четвертаго колѣна, и тотъ разъ только сказалъ, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный баринъ, бригадиръ Алексѣй Романычъ, изъ похода въ обозѣ изволилъ привезти. Даже, бывало, въ праздничные дни, дни всеобщаго жалованья и угощенія хлѣбомъ-солью, гречихными пирогами и зеленымъ виномъ, по старинному русскому обычаю, — даже и въ эти дни Степушка не являлся къ выставленнымъ столамъ и бочкамъ, не кланялся, не подходилъ къ барской рукѣ, не выпивалъ духомъ стакана подъ господскимъ взглядомъ и за господское здоровье, стакана, наполненнаго жирною рукою прикащика; — развѣ какая добрая душа, проходя мимо, удѣлитъ бѣднягѣ недоѣденный кусокъ пирога. Въ Свѣтлое Воскресенье съ нимъ христосовались, но онъ не подворачивалъ замасленнаго рукава, не доставалъ изъ задняго кармана своего краснаго яичка, не подносилъ его, задыхаясь и моргая, молодымъ господамъ или даже самой барынѣ. Проживалъ онъ лѣтомъ въ клѣти, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ; въ сильные морозы ночевалъ на сѣновалѣ. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ и онъ самъ, кажется, отъ роду рта не разинулъ. Послѣ пожара, этотъ заброшенный человѣкъ пріютился или, какъ говорятъ Орловцы, „притулился“ у садовника Митрофана. Садовникъ не

тронуть его, не сказалъ ему: живи у меня, да не прогналъ его. Степушка и не жилъ у садовника: онъ обиталъ, виталъ на огородѣ. Ходилъ онъ и двигался безъ всякаго шума; чихалъ и кашлялъ въ руку, не безъ страха; вѣчно хлопоталъ и возился втихомолку, словно муравей: и все для ѣды, для одной ѣды. И точно, не заботясь онъ съ утра до вечера о своемъ пропитаніи;— умеръ бы мой Степушка съ голоду. Плохое дѣло не знать поутру, чѣмъ къ вечеру сытъ будешь! То подъ заборомъ Степушка сидитъ и рѣдку гложетъ, или морковь сосетъ, или грязный кочанъ капусты подъ себя крошитъ; то ведро съ водой куда-то тащитъ и кряхтитъ; то подъ горшечкомъ огонекъ раскладываетъ и какіе-то черные кусочки изъ-за пазухи въ горшокъ бросаетъ, то у себя въ чуланчикѣ деревяшкой постукиваетъ, гвоздикъ приколачиваетъ, полочку для хлѣбца устраиваетъ. И все это онъ дѣлаетъ молча, словно изъ-за угла: глядь, ужъ и спрятался. А то вдругъ отлучится дня на два; его отсутствія, разумѣется, никто не замѣчаетъ... Смотришь, ужъ онъ опять тутъ, опять гдѣ-нибудь около забора подъ таганчикъ щепочки украдкой подкладываетъ. Лицо у него маленькое, глазки желтенькіе, волосы вплоть до бровей, носикъ остренькій, уши пребольшія, прозрачныя, какъ у летучей мыши, борода словно двѣ недѣли тому назадъ выбрита, и никогда ни меньше не бываетъ, ни больше. Вотъ этого-то Степушку я встрѣтилъ на берегу Исты въ обществѣ другого старика.

Я подошелъ къ нимъ, поздоровался и присѣлъ съ

ними рядомъ. Въ товарищѣ Степушки я узналъ тоже знакомаго: это былъ вольноотпущенный человѣкъ графа Петра Ильича ***, Михайло Савельевъ, по прозвищу Туманъ. Онъ проживалъ у болховскаго чахоточнаго мѣщанина, содержателя постоялаго двора, гдѣ я довольно часто останавливался. Проѣзжающіе по большой орловской дорогѣ молодые чиновники и другіе незанятые люди — (купцамъ, погруженнымъ въ свои полосатые перины, не до того)—до сихъ поръ еще могутъ замѣтить въ недалекомъ разстояніи отъ большого села Троицкаго огромный деревянный домъ въ два этажа, совершенно заброшенный, съ провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. Въ полдень, въ ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнѣе этой развалины. Здѣсь нѣкогда жилъ графъ Петръ Ильичъ, извѣстный хлѣбосоль, богатый вельможа стараго вѣка. Бывало, вся губернія съѣзжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительномъ громѣ доморощенной музыки, трескотнѣ бураковъ и римскихъ свѣчей; и, вѣроятно, не одна старушка, проѣзжая теперь мимо запустѣлыхъ боярскихъ палатъ, вздохнетъ и вспомнеть минувшія времена и минувшую молодость. Долго пиروвалъ графъ, долго расхаживалъ, привѣтливо улыбаясь, въ толпѣ подобострастныхъ гостей; но имѣнья его, къ несчастію, не хватило на цѣлую жизнь. Разорившись кругомъ, отправился онъ въ Петербургъ искать себѣ мѣста и умеръ въ номерѣ гостиницы, не дождавшись никакого рѣшенія. Туманъ служилъ у него дворецкимъ

и еще при жизни графа получил отпускную. Это былъ человекъ лѣтъ семидесяти, съ лицомъ правильнымъ и пріятнымъ. Улыбался онъ почти постоянно, какъ улыбаются теперь одни люди Екатерининскаго времени: добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигалъ и сжималъ губы, ласково щурилъ глаза и произносилъ слова нѣсколько въ носъ. Сморкался и нюхалъ табакъ онъ тоже не торопясь, словно дѣло дѣлалъ.

— Ну, что, Михайло Савельичъ,—началъ я:—наловилъ рыбы?

— А вотъ извольте въ плетушку заглянуть: двухъ окуньковъ залучилъ, да головликовъ штукъ пять... Покажь, Степка.

Степушка протянулъ ко мнѣ плетушку.

— Какъ ты поживаешь, Степанъ?—спросилъ я его.

— И... и... и... ни... ничего-о, батюшка, помаленьку, — отвѣчалъ Степанъ, запинаясь, словно пуды языкомъ ворочалъ.

— А Митрофанъ здоровъ?

— Здоровъ, ка... какъ же, батюшка.

Бѣднякъ отвернулся.

— Да плохо что-то клюетъ,—заговорилъ Туманъ:—жарко больно; рыба-то вся подъ кусты забила, спать... Надѣнь-ко червяка, Степа. (Степушка досталъ червяка, положилъ на ладонь, хлопнулъ по немъ раза два, надѣлъ на крючокъ, поплевалъ и подалъ Туману). Спасибо, Степа... А вы, батюшка,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—охотиться извольте?

— Какъ видишь.

— Такъ-съ.... А что это у васъ песикъ аглицкій, али фурлянской какой?

Старикъ любилъ при случаѣ показать себя: дескать, и мы живали на свѣтѣ!

— Не знаю, какой онъ породы, а хорошъ.

— Такъ-съ.... А съ собаками изволите ѣздить?

— Своры двѣ у меня есть.

Туманъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Оно точно: иной до собакъ охотникъ, а иному ихъ и даромъ не нужно. Я такъ думаю, — по простому моему разуму.... собакъ больше, для важности, такъ сказать, держать слѣдуетъ.... И чтобы все ужъ и было въ порядкѣ: и лошади чтобы были въ порядкѣ, и псарь, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, и все. Покойный графъ — царство ему небесное! — охотникомъ отродясь, признаться, не бывалъ, а собакъ держалъ и раза два въ годъ выѣзжать изволилъ. Соберутся псарь на дворъ въ красныхъ кафтаныхъ съ галунами и въ трубу протрубятъ; ихъ сіятельство выдти изволятъ, и коня ихъ сіятельству подведутъ; ихъ сіятельство сядутъ, а главный ловчій имъ ножки въ стремяна вдѣнетъ, шапку съ головы сниметъ и поводья къ шапкѣ подастъ. Ихъ сіятельство арапельникомъ этакъ изволятъ щелкнуть, а псарь загопочуетъ, да и двинутся со двора долой. Стремянный-то за графомъ поѣдетъ, а самъ на шелковой своркѣ двухъ любимыхъ барскихъ собачекъ держать и этакъ наблюдаетъ, знаетъ.... И сидитъ-то онъ, стремянный-то, высоко, на

казацкомъ сѣдлѣ, краснощекой такой, глазищами такъ и водить.... Ну, и гости, разумѣется, при этомъ случаѣ бываютъ. И забава, и почетъ соблюденъ.... Ахъ, сорвался, азіатецъ! прибавилъ онъ вдругъ, дернувъ удочкой.

— А чтò, говорятъ, графъ-таки пожилъ на своемъ вѣку?—спросилъ я.

Старикъ поплевалъ на червяка и закинулъ удочку.

— Вельможественный былъ человѣкъ, извѣстно-сть. Къ нему, бывало, первыя, можно сказать, особы изъ Петербурга заѣзжали. Въ голубыхъ лентахъ, бывало, за столомъ сидятъ и кушаютъ. Ну, да ужъ и угощать былъ мастеръ. Призоветъ, бывало, меня: „Туманъ“, говоритъ, „мнѣ къ завтрашнему числу живыхъ стерлядей требуется: прикажи достать, слышишь?“—„Слушаю, ваше сіятельство“.—Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколонъ перваго сорта, табакерки, картины этакія большущія, изъ самаго Парижа выписывалъ. Задастъ банкетъ,—Господи, владыко живота моего! фейвирки пойдутъ, катанья! Даже изъ пушекъ палятъ. Музыкантовъ однихъ сорокъ человѣкъ на лицо состояло. Капельмейстера изъ нѣмцевъ держалъ, да зазнался больно нѣмецъ; съ господами за однимъ столомъ кушать захотѣлъ; такъ и велѣли ихъ сіятельство прогнать его съ Богомъ: у меня и такъ, говоритъ, музыканты свое дѣло понимаютъ. Извѣстно: господская власть. Плясать пустятся—до зари пляшутъ, и все больше лакосезъ-матрадура.... Э.... э.... э.... попался братъ! (Старикъ вытащилъ изъ воды небольшого окуня). На-ко, Стѣпа. — Баринъ былъ, какъ слѣдуетъ,